

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). М., 1975, 320 стр.

«Владимир Яковлевич Пропп... был одним из крупнейших фольклористов нашего времени, автором трудов, снискавших мировую известность и определивших собой целое направление в современной науке о народном творчестве». Этими словами Б. Н. Путилова, автора статьи «Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа», открывается сборник, посвященный памяти выдающегося ученого.

Тематика работ В. Я. Проппа, метод и принципы его исследования фольклора были не только отражены, но и углублены во многих статьях этого издания. Определяющим для сборника является интерес к проблемам специфики фольклора, к его генезису и истории, к обнаружению механизмов жанро- и сюжетообразования. Характерно стремление авторов, вслед за В. Я. Проппом, соединить структурно-типологические и историко-генетические аспекты.

В статье «Специфика фольклора в свете теории информации» К. В. Чистов приводит цепь конкретных и убедительных доказательств, которые дают основания «традиционную теорию отличий фольклора от литературы... превратить в историю отличий литературы от фольклора» (стр. 28). Исходя из того, что практически все критерии отличий фольклора от литературы (кроме механизма коммуникаций) были исторически изменчивы, автор основное внимание уделяет естественному (контактному) и «техническому» способам коммуникаций, которые изучаются им подробно и теоретически осмысляются. Анализ механизма коммуникаций имеет важное значение для науки, так как он «поможет нам прояснить и многие историко-фольклорные и — шире — историко-культурные проблемы, в том числе и некоторые проблемы современной культуры» (стр. 43).

Частная и вместе с тем существенная проблема, позволяющая показать отличие фольклорного по своей природе произведения от литературного, рассматривается в статье П. А. Гринцера. Автор изучает эпические формулы как один из главных признаков доказательства устного генезиса поэм «Махабхарата» и «Рамаяна». Существует общее мнение об устной природе обеих поэм, тем не менее к их анализу применяются нормы письменной литературы: центром исследования оказывается проблема авторства этих поэм, споры идут о датировке памятников и пр. Однако, — пишет П. А. Гринцер, перекликаясь в этом плане с В. Я. Проппом, — «устный памятник не знает ни автора в обычном понимании этого слова, ни канонического текста, ни определенной даты создания, ни отделенных непроницаемыми барьерами редакций» (стр. 157).

П. А. Гринцер, пользуясь известной методикой А. Лорда, дает подсчет эпических формул, приспособленных к требованиям метра. В пснятие формулы автор вкладывает тот же смысл, что и М. Парри, который не только дал определение эпической формулы, но и показал особенности употребления формул в тесной связи с эпическим метром. Классификация эпических формул, данная в статье П. А. Гринцера, их обилие в поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна» служат, очевидно, достаточно убедительным доказательством устных корней этих произведений. Эпический певец, владея определенным арсеналом формул, мог практически неограниченно создавать по этим моделям новые, импровизируя «традиционные сказания».

В отличие от А. Н. Веселовского В. Я. Пропп считал формулу единицей более общей и более сложной структуры — мотива. Выяснению принципов строения эпического мотива посвящена статья Б. Н. Путилова «Мотив как сюжетобразующий элемент». Конкретной разработке проблемы предшествует глубокий теоретический анализ мотива как элемента эпической сюжетной системы. Б. Н. Путилов вскрывает намеченные, но не раскрытые Веселовским определенные уровни отношений мотива и сюжета, показывает особенности сюжета как системы. Одной из основных особенностей сюжета является его внутренняя динамичность, поэтому «мотивы можно рассматривать как определенным образом организованные моменты движения сюжета» (стр. 144). Сюжет способен к внутренним изменениям. Необыкновенная продуктивность, которой обладают мотивы, их способность к различным переосмыслениям создают возможность вариативности фольклорных текстов. Специфика эпоса рождает особенность мотива, которая заключается в его «типовом, формульном характере». Б. Н. Путилов, рассматривая содержание мотива, доказывает, что «содержательная наполненность», «временная и пространственная протяженность», «соотношение статического и динамического начала» в эпических мотивах различны, что порождает необходимость выделения определенных типов эпических мотивов, которые в свою очередь в сумме составляют «основу эпической сюжетики».

Классификация типов эпических мотивов, предложенная Б. Н. Путиловым, чрезвычайно важная сама по себе, имеет вместе с тем и определенную перспективу, так как она должна способствовать «познанию процессов эволюции художественного сознания эпической среды, уяснению сложных отношений эпоса и действительности» (стр. 155).

С работой Б. Н. Путилова до известной степени перекликается статья Г. А. Левинтона «К проблеме изучения повествовательного фольклора», в которой рассматриваются принципы сюжетообразования в фольклоре и выдвигаются некоторые соображения научной реконструкции и интерпретации типовых сюжетов, прежде всего сказочных и эпических, на основе знания законов сюжетно-мотивообразования и семантики мотивов.

Системный метод изучения *dramatis personae*, блестяще продемонстрированный В. Я. Проппом в «Морфологии сказки» и в «Исторических корнях волшебной сказки», нашел применение в статье Е. С. Новик «Система персонажей русской волшебной сказки». Описание системы персонажей осуществляется в этой работе на межсюжетном уровне. Сложность классификации *dramatis personae* заключается в том, что не только функции действующих лиц независимы от персонажей, но и персонажи в свою очередь, как доказывает Е. С. Новик, независимы от функций, которые они выполняют, т. е. прямые корреляционные связи «между поступком персонажа и его семантической характеристикой» (стр. 215) практически совсем отсутствуют. Это новый, не затронутый В. Я. Проппом аспект в изучении морфологии сказки.

С. Д. Серебряный в статье «Интерпретация формулы В. Я. Проппа (в связи с ее приложением к индийским сказкам)» выясняет морфологию формулы, которая была намечена, но осталась не проясненной в «Морфологии сказки». Автор строит статью, подтверждая весь ход доказательств наблюдениями, материалами, доводами из работ самого В. Я. Проппа.

Объединение мифологического (генетического) и лингвистического путей в изучении мифологических трансформаций основного мифа нашло отражение в статье В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах». Такое сочетание двух аспектов исследования не случайно, так как «инвариант часто прочнее всего удерживается на поверхностной для мифа структуре, являющейся следом более древней глубоинной структуры языкового уровня» (стр. 73). Любые трансформации приводят к изменениям основного текста при сохранении его инвариантной схемы. «Вся сумма трансформаций исходного текста,— пишут авторы статьи,— определяет пределы устойчивости лежащей в его основе схемы, позволяет различить постоянные и переменные величины в тексте и тем самым наметить правила преобразования, в соответствии с которыми можно вывести все множество вариантов схемы» (стр. 50). Из этого делается вывод, что трансформации могут быть поняты не только как изменчивость текста, но и как синонимия разных вариантов, которая покажет устойчивость основного текста. Демонстрация разных форм трансформаций осуществляется на материале группы текстов о поединке Громовержца и его противника Змея. Авторам статьи удается реконструировать морфологическую схему мифа о боге Грома, который преследует Змея. Показана и более далекая жанровая трансформация основного мифа — ею оказывается белорусская сказка «Праз Ильюшкун». Более поздней, коренным образом переработанной схемой мифа являются некоторые обряды праздника Ивана Купали; отдельные весьма отдаленные мотивы мифа звучат в языковых фразеологизмах.

Словарь пространственных элементов, составленный Т. В. Цивьян на материале албанской волшебной сказки, явился органическим развитием «грамматических» идей В. Я. Проппа. Албанские сказки оказались очень удобным объектом исследования, так как они в меньшей мере, чем сказки многих других народов, подверглись позднейшим искажениям и потому отражают архаические черты человеческого мышления. Лингвистический аспект в изучении сказки «открывает широкие возможности и для собственно семантического анализа сказки — реконструкции архетипических черт сюжета и на этом основании установления мифологической модели мира» (стр. 191).

Этнографический принцип в изучении фольклора играл значительную роль в трудах В. Я. Проппа, который в свое время писал: «Историческая фольклористика, изучающая зарождение явлений... опирается на этнографию. Такое изучение есть звено подлинно исторического изучения. Поэтому между фольклористикой и этнографией существует самая тесная связь. Вне этнографии не может быть материалистического изучения фольклора»¹. Этот принцип получил развитие в работах Е. М. Мелетинского и, в частности, в его статье «Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов (Вороний цикл)». Е. М. Мелетинский обращается к изучению мифологии палеоазиатов, преимущественно чукотско-камчатской группы. Мифы и сказки северо-восточных народов особенно интересны, так как они сохраняют архаические черты мифического способа мышления. Автор статьи показывает, что сказки палеоазиатов практически неотделимы от мифов, что, впрочем, не является особенностью культуры только чукотско-камчатской группы населения, а характерная черта вообще всех архаических культур. В статье показаны отличия корякско-ительменской мифологической сказки от европейской. Особенности палеоазиатской сказки подробно прослежены на анализе одного из разделов мифологических сказок о приключениях и истории брачных связей сыновей и дочерей Ворона (Вороний цикл). «Двоничность» брачных связей Вороньего рода, характерная для композиции мифологических сказок, «является особенностью синтагматики этих сюжетов» (стр. 122).

¹ В. Я. Пропп. Специфика фольклора.— Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук». Л., 1946, с. 145.

Широко привлеченный Е. М. Мелетинским этнокультурный комплекс помогает раскрыть особенности мифологической сказки. Предельно полный объем вариантов мифов-сказок на избранную тему, широко использованный круг этнографических материалов помогают вскрыть древний календарный подтекст некоторых мифологических мотивов, понять ряд «темных» мест в этих мифах.

Конкретный анализ мифов-сказок палеоазиатов дает возможность автору сделать важные выводы о свойствах мифологической фантазии вообще. Анимистическое мироощущение предполагает как следствие «двойную» природу человека, а также представление о столь же всеобщей качественной однородности живого и неживого, макрокосма и микрокосма.

Если Е. М. Мелетинский изучает как частный вопрос «конкретное» и однородное мифологическое пространство в плане раскрытия мифологической фантазии определенных народов, то С. Ю. Неклюдов рассматривает пространственно-временную организацию повествовательного фольклора в плане общей теории. Семантическая структура мифа и фольклорно-логическая структура волшебной сказки близки и легко соотносимы, хотя сказка как жанр сложилась уже после того, как мифический способ мышления перестал быть господствующим. С. Ю. Неклюдов стремится доказать, что для повествовательного фольклора характерное определенное историческое взаимоотношение между содержательным планом мифа и формально-содержательным планом фольклора. «История повествовательного фольклора,— пишет С. Ю. Неклюдов,— характеризуется постоянным переходом элементов из содержательного плана в формальный... При этом уход в план выражения... подчас оказывается фактом сохранения весама древних смыслов» (стр. 182). Данная закономерность демонстрируется в статье на частном примере соотношения динамических и статистических начал в мифе.

Подмеченная и обоснованная в статье С. Ю. Неклюдова закономерность, на наш взгляд, искусственно ограничена. Традиционное многовековое отставание формы выражения от содержания — это общий для фольклора (в том числе и для поэтических жанров) закон. Мифическое сознание теряет со временем основные элементы содержания, но форма выражения эстетически ценных представлений сохраняется почти нетронутой, она лишь слабо видоизменяется, а потому и живет веками. Готовые устойчивые поэтические формулы вновь осмыслиются и присутствуют в народной поэзии уже для выражения иных чувств, иных настроений.

И. И. Ревзин рассматривает значение основных положений «Морфологии сказки» В. Я. Проппа для общей теории знаковых систем (статья «К общесемiotическому истолкованию трех постулатов Проппа»).

Проблемам типологии, структуры, тематики народных изречений, их взаимоотношениям с различными языковыми и фольклорными формами посвящена статья Г. Л. Пермякова «К вопросу о структуре паремнологического фонда».

В статье «Относительно полисемантической малайскоязычной «Повести о санг Бо-ме» Б. Б. Парникель выясняет многосторонние и разностадиальные связи повести с мифологией и их роль в истории произведения.

«Типологические исследования по фольклору» — большая удача современной фольклористики. Работа как нельзя лучше подтверждает слова Б. Н. Путилова о том, что научные идеи, заключенные в трудах В. Я. Проппа, «живая творческая мысль ученого, его понимание фольклора и выработанные им принципы исследования будут сохранять свою плодотворность, и влияние их с годами будет шириться и крепнуть, ибо ученые типа В. Я. Проппа принадлежат столько же настоящему, сколько и будущему науке» (стр. 15).

В. И. Еремина

НАРОДЫ СССР

Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики (ответственные редакторы В. А. Александров и Н. В. Шлыгина). М., 1975, 239 стр.

В настоящее время в развитии советской этнографии все большую роль играют региональные историко-этнографические атласы,готавливаемые Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР совместно с научными учреждениями союзных республик, ведущими исследовательские работы по этнографии. С составлением одного из таких атласов — атласом народов Прибалтики — связана и рецензируемая книга. Характерной ее особенностью (как и подготавливаемого атласа) является то, что материалы группируются не по отдельным этническим общностям, а по историко-культурным областям, которые в определенных пределах нередко совпадают с административно-территориальными единицами. Такой метод заслуживает